

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

PAGES OF HISTORY

Развитие территорий. 2025. № 2. С. 86—101.
Territory Development. 2025;(2):86—101.

Страницы истории

Научная статья
УДК 330.8
DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-86-101
EDN ZQOVDS

ПОЭЗИЯ РОССИЙСКОГО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЖИЗНИ И РАБОТАХ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА СВЯТЛОВСКОГО

Михаил Львович Пятов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация,
mlpyatov@yandex.ru

Аннотация. Основываясь на концепции роли социально-психологического «портрета» ученого, выдвинутой известным ученым-экономистом Н. Д. Кондратьевым (1892—1938), в предлагаемой статье рассматриваются основные этапы жизненного пути выдающегося отечественного экономиста, одного из основателей профсоюзного движения в России — Владимира Владимировича Святловского (1871—1927); раскрывается становление Святловского как российского поэта серебряного века, подвергнутого довольно жесткой критике А. Блока. В статье дается описание участия В. В. Святловского в рабочем движении до и после революции 1905 г., раскрывается его роль в становлении российского профсоюзного движения, показывается развитие в его трудах проблематики неприглядного повседневного быта широких народных масс и их материального состояния как центральной темы политэкономических работ ученого, а также освещается «поэтическая» составляющая социально-экономических тезисов Святловского-марксиста.

Ключевые слова: экономика, профсоюзы, поэзия, квартирный вопрос, бытовая повседневность, идеализм, марксизм, социализм, вера

Для цитирования: Пятов М. Л. Поэзия российского профсоюзного движения в жизни и работах Владимира Владимировича Святловского // Развитие территорий. 2025. № 2. С. 86—101. DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-86-101. EDN ZQOVDS.

Pages of history

Original article

POETRY OF THE RUSSIAN TRADE UNION MOVEMENT IN THE LIFE AND WORKS OF VLADIMIR VLADIMIROVICH SVYATLOVSKY

Mikhail L. Pyatov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, mlpyatov@yandex.ru

Abstract. Based on the concept of the role of the socio-psychological “portrait” of a scientist, put forward by the well-known economist N.D. Kondratiev (1892—1938), the proposed article examines the main stages of the life path of the outstanding Russian economist, one of the founders of the trade union movement in Russia — Vladimir Vladimirovich Svyatlovsky (1871—1927); reveals the formation of Svyatlovsky as a Russian poet of the Silver Age, who was subjected to rather harsh criticism by A. Blok. The article describes V.V. Svyatlovsky’s

© Пятов М. Л., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

participation in the labor movement before and after the revolution of 1905, reveals his role in the formation of the Russian trade union movement, shows the development in his works of the problems of the unattractive everyday life of the broad masses and their material condition as the central theme of the political economic works of the scientist, and also highlights the “poetic” component of the socio-economic theses of Svyatlovsky-Marxist.

Keywords: economics, trade unions, poetry, housing issue, everyday life, idealism, Marxism, socialism, faith

For citation: Pyatov M.L. Poetry of the Russian Trade Union Movement in the Life and Works of Vladimir Vladimirovich Svyatlovsky. *Territory Development*. 2025;(2):86—00. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2025-2-86-00>. <https://elibrary.ru/zqovds>.

Вместо предисловия

Сложно переоценить ту роль, которую сыграла в XX в. в жизни нашего Отечества деятельность профсоюзов. Исходя из этого, представлен анализ работ одного из основоположников профсоюзного движения в России — Владимира Владимировича Святловского (1871—1927). Этот анализ важен для объективного понимания развития хозяйственной жизни страны и эволюции российской экономической мысли.

Как не устал повторять замечательный российский экономист Н. Д. Кондратьев, «каждая человеческая личность представляет из себя своеобразное единство. Каждая человеческая личность, впитывая в себя на протяжении своей жизни культурные влияния общественной среды, имеет ту или иную объективную общественную „стоимость“. Поскольку же она, претворяя в себе эти влияния и своеобразно комбинируя их, вместе с тем обогащает общество, увеличивает сумму общественных идей и переживаний своим творчеством, — она имеет ту или иную объективную общественную „ценность“» [1, с. 8].

Николай Дмитриевич подчеркивал, что «мы не можем понять, а следовательно, не должны и рассматривать человеческую личность, как бы она ни была велика, вне общественной среды, в которой сложилась и действовала эта личность. Процессы общественной жизни всегда находят то или иное отражение в переживаниях, идеях и судьбах личности. Эти процессы общественной жизни мы можем, конечно, рассматривать, и наука фактически рассматривает их, как таковые, как явления массовой, обезличенной общественной жизни. Но мы можем рассматривать их и сквозь призму той или иной личности, сквозь призму темперамента этой личности. И если, рассматривая процессы общественной жизни, как таковые, мы постигаем лишь механику средних, типизированных социальных величин и явлений, по существу чуждую конкретности и драматизма, то, рассматривая их сквозь призму личности, мы

уясняем их в конкретном воплощении, под вуалью непосредственных чувств, радостей и разочарований человека; мы можем если не понять, то почувствовать их драматизм» [1, с. 9—10].

Кондратьев также утверждает, что «живя и действуя десятилетия, в течение этого времени формируясь под влиянием общественной среды и оказывая влияние на эту среду, личность как бы связывает собой отдельные исторические эпохи, иногда очень отдаленные; связывает различные поколения, принимает „меч“ от предшественников и передает „его“ преемникам. И если, рассматривая общественные процессы и явления, как таковые, мы в состоянии понять формирование и смену средних и типичных культурных напластований и влияний, то, рассматривая их сквозь призму личности, мы можем уяснить конкретные формы и пути такого формирования и смены культурных явлений, конкретные каналы социальных влияний и идейных скрещиваний» [1, с. 10—11].

Далее он пишет: «Это с одной стороны. С другой стороны, рассматривая общественные процессы сквозь призму темперамента личности, мы, в силу своеобразия каждой личности и вытекающих отсюда особенностей преломления общественных явлений в личных переживаниях и действиях, получаем в результате более многогранное и глубокое представление об этих процессах. И та, и другая отмеченная сторона содержания нашего интереса, с которым мы обращаемся к жизни выдающейся личности, с очевидностью показывает, что, идя таким путем, мы обогащаем, расширяем и углубляем наше понимание общественных явлений» [1, с. 11].

В данной статье мы, исходя из концепции роли социально-психологического «портрета» ученого, как его понимал Н. Д. Кондратьев, предлагаем обратиться к работам В. В. Святловского, в которых экономист описывал ту социальную среду, которая во многом и позволила сформироваться его взглядам.

Мечты и их воплощение

Иногда бывает так, что мечтает человек об одном, а сбывается в его жизни совсем другое, но проходит после этого некоторое время, и все понимают, что сбылось именно то, чему сбыться и было суждено, и это всегда к лучшему.

Так случилось с жизнью и мечтами замечательного русского экономиста Владимира Владимировича Святловского.

Владимиру Владимировичу выпало жить во времена серебряного века — периода расцвета русской литературы и искусства, с его символизмом, декадентством, метаниями душ, трагедиями революций, мечтами футуризма и т. д. Это были времена беспредельно поэтичные. И, конечно, Владимир Святловский — юный российский интеллигент, выходец из обеспеченной и прогрессивной семьи, московский гимназист и мюнхенский студент ну просто не мог не мечтать быть Поэтом. И мечтал он не просто «писать стихи», как это делало большинство его сверстников, но быть Поэтом, повелителем душ и обитателем мечтаний. И он будет писать стихи. Его кумиром станет Бальмонт. Стихи он будет писать всю жизнь, но по робости и застенчивости своей только дважды, в 1916 г. и 1917 г., наконец, решится и издать их в Петрограде в двух поэтических сборниках.

Для первого сборника стихов требовалось оригинальное, запоминающееся, чрезвычайно символическое название, и Владимир Святловский назовет его «Янтари» [2]. В библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) бережно хранится экземпляр этого издания с дарственной надписью от автора профессору Ивану Ивановичу Лапшину¹.

¹ Вот, что рассказывает о И. И. Лапшине «Биографика» СПбГУ: «Лапшин Иван Иванович (1870—1952) — выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1893). С 1900 г. вел занятия по логике в Александровском лицее. Читал лекции по психологии на Высших женских курсах. После революции был выслан из РСФСР на „философском пароходе“. С 1922 г. до самой смерти являлся профессором Русского юридического факультета в Праге. <...> С 1923 по 1925 г. Лапшин был участником „Збраславских пятниц“, встреч русских ученых-эмигрантов в пригороде Праги Збраславе. Возглавлял действовавшее при Русском народном университете философское общество, руководил кружком по изучению психологии творчества. Известно, что после войны предпринимал попытки возвращения в Советский Союз. Входил в кружок молодых людей, собиравшихся вокруг Н. А. Римского-Корсакова. Л. являлся активным членом философского общества при Петербургском университете. Также был действительным членом Психологического общества при Московском университете. <...> Признанный специалист по теории творчества и истории философии. Развивал критическую философию И. Канта. Стре-

Название, в лучших традициях поэтических сборников, должно было быть соответствующим образом объяснено. Так появляется пролог:

Гонит светоч зари —
Тени мгlistые,
Спрятан стих в янтари
Золотистые

Затонувшей сосны,
Слезы смольные —
Превращаются в сны,
В песни вольные.

Ими ныне, как встарь,
Я, взволнованный,
Воспеваю янтарь
Зачарованный [2, с. 7].

Поэту эпохи декадентства, конечно, полагается быть отвергнутым. Так перед нами возникает стихотворение «Прочь янтари!»:

Капризница не любит янтарей, —
Мерцанье их ее не привлекает, —
Слезами северных морей
Ее запястье не играет.

Темнеющий лазурностью глубин
Ее сапфир — заметнее и строже.
Кровавый мстительный рубин
Ей скромных янтарей дороже.

Жеманною и тонкою рукой
Жемчужины не сменит на опалы,
И, сторонясь от колец с бирюзой,
Презрительно смеется на кораллы [2, с. 8].

И что остается отвергнутому поэту? Конечно же «Образ Прекрасной Дамы», почти бестелесный, почти бескровный, Прекрасной Дамы, которая никогда не отодвинула бы от себя «янтарей», но которая, конечно же, в силу злого рока укрытая за древними мшистыми стенами монастыря, доступна лишь только умственному взору Поэта. Ну и в руках у нее, конечно же, с 1914 г. не может быть

мился обосновать невозможность метафизики как науки. Размышления над проблемой солипсизма привели Л. к мысли о невозможности непосредственного восприятия чужого „Я“ и невозможности доказательства его трансцендентальной реальности. Важен вклад Л. в теорию и историю культуры, а также в анализ философского наследия таких писателей, как А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский». См.: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/420-lapshin-ivan-ivanovich.html>

ничего иного, кроме... «четок» (!), ну и, конечно же, в данном случае — янтарных:

В глуши, в обители, за мшистыми
стенами, —
Широк и светел немощный двор.
Струится ладан древними волнами
И строен радостный девичий хор.

Икона темная у ветхого порога,
Созвездья куполов уходят в небеса.
Из-под платка, повязанного строго,
Глядят в упор суровые глаза.

Всегда смиренные ее движенья —
кротки,
Прозрачна белизна ее бескровных рук.
В руках янтарные не дрогнут четки
И сдвинутых бровей не дрогнет круг [2, с. 9].

Как можно предположить, Святловский, воодушевленный успехом у благодарных одаренных сборником читателей, на следующий год выпускает новый сборник своих стихов, назвав его «Седые города», среди которых, конечно же, любимый Петербург:

...Колдунья-ночь несет похмелье
Несбыточных неясных снов,
Рассыпанное ожерелье
Давно померкших жемчугов.
Немые дали — акварелью
Покрыты в нежный полутон.
Нева гранитной колыбелью
Качает отблески колонн...¹

И тут, на беду, сборник попадает А. Блоку, который, не сдержавшись, дает на них вот такой отзыв: «В стихах Святловского нет оригинальности, нет и свежести; они детски-беспомощны; много знания внешнего, никакого опыта внутреннего: оттого — разнообразные на первый взгляд по размеру, они очень бедны ритмически. Все полно метафор, большей частью совершенно банальных: „слово — пламень, слово — лед“, „пробить ступени по террасам творчества“; „острота отравы“; недопустимые неумелости: „осыпались листья, увяли мои розы“; недопустимые шаблоны: „грёзовый туман“; старомодное декадентство („пес дерзанья“, „безбрежности нерадостный чертог“) рядом с детскими перепевами Пушкина. Перечисляя все, что он любит в городе, Святловский

в заключение аккуратно говорит: „И наконец люблю я...“ Кому придет в голову назвать церковный благовест — исканием! Одно из двух: или об этом нужно долго и натруженно думать, или — быть русским интеллигентом. Стихи Святловского — это и есть стихи русского интеллигента, то есть нечто во многих отношениях милое в домашнем обиходе (как, например, самые корявые стихи о звездах), но возмутительное, нестерпимое, если увидишь это в печати» [3, с. 79].

«Больше Владимир Владимирович своих стихов не публиковал. Но вот если нашему герою при всей поэтичности его природы так и не удалось, как его литературным кумирам, увидеть за обыденностью то, что удовлетворило бы взыскательным требованиям А. Блока, ему удалось разглядеть в этой самой обыденности то, что, может быть, с такой ясностью не видел почти никто — огромную трагедию экономического быта широких масс населения и влекомые этой трагедией более чем грозные ее развязки. Со всей страстью своей пылкой природы, со всем усердием вдохновленного идеей русского интеллигента, со всей силой своего таланта Святловский посвятил себя изучению социально-экономических проблем хозяйственного быта широких слоев общества, теории и практики „рабочих организаций“, став одним из основателей профсоюзного движения в России. Выдвинув вопрос экономики хозяйственного быта масс, Владимир Владимирович через все свои экономические работы красной нитью провел утверждение, согласно которому „экономические идеи являются продуктом среды, в которой они возникают“» [4, с. 3].

Так судьбе было угодно, что отняв у нас В. В. Святловского — поэта серебряного века, она подарила нам В. В. Святловского — выдающегося ученого-экономиста конца XIX — начала XX в.

Но, обо всем по порядку. Не одна лишь рецензия Блока, но и все обстоятельства судьбы Святловского стали творцами его как ученого-экономиста.

С народом

Интересную картину начала общественной деятельности В. В. Святловского рисует в статье, посвященной его жизненному пути, А. Г. Герваш — главный редактор журнала Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области «Единство» [5].

«Уроженец Петербурга, он [Святловский] закончил гимназию в Москве. Осенью

¹ Цит. по: URL: <https://web.archive.org/web/20170327060701/http://www.torgedin.ru/sviatoslavski.html>

1890 года, отвергнув мольбы родителей, двенадцатилетний Владимир уехал из московского дома семьи в Петербург, по его собственным воспоминаниям: „для работы в Публичной Библиотеке на условиях самостоятельного заработка, чего требовала выработанная мной программа практической жизни и поведения. Это была смесь ригоризма со стоицизмом, смутная ненависть к буржуазной изнеженности и извращенности и стремление к простой и трудовой жизни. Я ходил в поддевке, грубых сапогах и кожаной фуражке, старался спать без матраца на досках, есть только самое простое и необходимое. От денежной помощи матери я решительно отказался и жил на скудный заработок» [5].

Вера Карелина вспоминала: «Молоденький Святловский отличался большой простотой и очень нравился рабочим. Сам он очень нуждался и жил у рабочего в коммунальной квартире»¹ [5].

Как вспоминал сам Святловский: «Мне нашлось пристанище в д. № 7 по Рижскому проспекту, в квартире Василия Ивановича Иванова, столяра Экспедиции заготовления государственных бумаг (ныне „Гознак“). Иванов был добрый и вдумчивый человек, сочувствовавший движению, за него в одно время „пострадавший“. С ним я многие годы не прекращал дружбы и всегда с удовольствием слушал его ровную и обстоятельную речь, излагавшую нужды и переживания его Экспедиции.

Устроить меня на работу было очень трудно. Мастерства я никакого хорошо не знал, а близорукость, требовавшая ношения очков,

¹ Напомним, Вера Марковна Карелина (в девичестве Маркова; 1870 — после 1925) — деятель российского рабочего движения, одна из лидеров Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга, соратник Георгия Гапона — священника Русской православной церкви, политического деятеля и профсоюзного лидера, оратора и проповедника. Гапон — создатель и бессменный руководитель рабочей организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», организатор январской рабочей забастовки и массового шествия рабочих к царю с петицией, закончившегося расстрелом рабочих и положившего начало Первой русской революции 1905—1907 гг. После 9 января 1905 г. — деятель русской революционной эмиграции, организатор Женевской межпартийной конференции 1905 г., участник неудавшейся подготовки вооруженного восстания в Санкт-Петербурге с помощью оружия с парохода «Джон Графтон», основатель революционной организации «Все-российский рабочий союз». После возвращения в Россию в октябре — ноябре 1905 г. — руководитель возрожденного Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга, союзник графа Витте, сторонник реформ, провозглашенных Манифестом 17 октября. В марте 1906 г. убит в Озерках группой боевиков-эсеров по обвинению в сотрудничестве с властями и предательстве революции.

а также весь мой общий вид, мой интеллигентский образ мало изменялся и в рабочем костюме. К тому же я не хотел порывать и с работой в библиотеке. Перерядив меня в „настоящее“, мои новые товарищи долго смеялись нелепому виду моей интеллигентской беспомощности. Вопрос о заводе был временно отложен.

Через несколько дней я впервые отправился в „кружок“. Как сейчас помню плохо освещаемые улицы и какие-то проходные дворы в Коломенской части, через которые, почти крадучись, шел на квартиру рабочего Экспедиции кузнеца Егора Афанасьева, у которого должны были проходить занятия. В довольно просторной комнате — Егор в качестве кузнечного подмастерья хорошо зарабатывал и имел неплохую квартиру — собрались рабочие. Выяснилось, что естествознание в кружке несколько хромало. У рабочих было большое желание учиться, получить сведения о строении земного шара, о древности человека. Я взялся к следующему разу приготовить небольшую лекцию по геологии.

Занятия в кружке, новые знакомства и особенно жизнь на квартире столяра Иванова дали мне возможность сблизиться с рабочими, а затем и приглядеться к целому ряду кружков» [цит. по: 5].

А вот как характеризуется жизнь Святловского в те годы сотрудниками «Биографика» СПбГУ: «Активный участник революционного движения. Член группы Бруснева, одной из первых отечественных социал-демократических организаций (1889—1892 гг.), созданной группой петербургских студентов. Читал лекции в рабочих кружках. Участвовал в первых маевках в России — в Екатерингофском парке (1891 г.) и на Крестовском острове (1892 г.). Преследуемый полицией, эмигрировал в Германию, где продолжил обучение. Вернулся в Россию в 1898 г., стал участником социально-демократического движения, примыкал к меньшевикам»².

Квартирный вопрос

В 1898 г. в Санкт-Петербурге выходит монография Святловского «Квартирный вопрос», судя по обложке книги, изданная им на собственные средства. Ее выходу в свет предшествовали статья Владимира Владимировича «Введение в изучение квартирного вопроса» (Русская мысль, 1896 г., книги IV и V) и доклад, сделанный 20 января 1895 г. на заседа-

² Цит. по: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

нии Московского гигиенического общества на тему «Постановка квартирного вопроса на Западе и некоторые новейшие по нему исследования» [6, с. 7].

Святловский был активным участником революционного движения. Он всем сердцем переживал за унижительное в повседневном бытовом его содержании существование подавляющего большинства своих сограждан.

«Население больших городских центров России, — писал в предисловии к своей работе Владимир Владимирович, — очутилось в последние годы в таких тяжелых квартирных условиях, что вопрос о жилище стал одной из наиболее жгучих злоб дня повседневной практической жизни. <...> Жилище главной массы населения, приближаясь к логовищу австралийского дикаря, является чем-то невозможным с точки зрения самой снисходительной гигиены» [6, с. 1—2].

Далее он пишет: «Наши экономические пертурбации вызвали передвижение деревенского населения, крестьяне пошли в города и фабричные районы, поместное дворянство и быстро разросшаяся буржуазия переполнили городские центры. Вскоре городское население оказалось несоответствующим количеству имевшихся в наличии помещений, и не смотря на периоды строительной горячки, наши города, и без того не удовлетворявшие естественному приросту народонаселения, совершенно не справились с размещением новых масс пришлого населения. Не помогли и во множестве появившиеся меблированные комнаты и гостиницы. Недостаточная и мало зажиточная часть населения была вытеснена на 5 или 6 этажи, или в подвалы, или принуждена была совсем переселиться из центральных частей в предместья и даже более или менее отдаленные „дачные“ местности. Здесь дачи на скорую руку переделывались в „зимние“ помещения, то есть прибавлялись лишние рамы, плохенькие накаты, пара железных печей, за что спрашивалась высокая квартирная плата по контракту. И вот, изящные летние резиденции богатых горожан обратились в квазидешевые городки и убогие колонии для недостаточного населения» [6, с. 2].

Возмущаясь тяжким положением городского бедного люда, Святловский пишет: «Нечего говорить, что помимо всего иного, эти колонисты „поневоле“ расквитаются своим здоровьем за эту вынужденную экскурсию и мнимую экономию.

Подъезжая утром к нашим столицам, мне не раз, и особенно под Петербургом, прихо-

дилось видеть таких зимних дачников, спешивших по своим делам в город. При общей архаичной организации наших железных дорог, при дороговизне подгородного тарифа, при малочисленности поездов и недостаточности места в них, такие ежедневные путешествия должны быть крайне тяжки для вынужденных к тому и сопряжены, помимо значительной потери времени, с громадными культурными лишениями. Особенно страдают при таком порядке чиновники, служащие в частных предприятиях, приказчики, учащаяся молодежь, лица, живущие пенсией или небольшими сбережениями, — словом, весь тот многочисленный класс нашего городского населения, который, при известной высоте культурного развития, стоит в материальном отношении на границе между скромным достатком и хронической нуждой» [6, с. 3].

Далее Святловский продолжает: «Но, конечно, и положение тех, кто приютился в центральных частях города, отнюдь не из завидных. Крайняя дороговизна квартир поглощает львиную долю наших все еще крайне скромных заработков, и квартирная плата является, вопреки всяким логическим и экономическим требованиям, важнейшей статьей нашего бюджета. Законно обставленная и юридически оправдываемая кабала квартирантов у их домовладельцев также факт общеизвестный. Отсутствие конкуренции или невозможность обуздания господ домовладельцев делает их контракты, „заключаемые по свободному взаимному соглашению“, какой-то своеобразной кабальной запродажей себя, семьи и всей своей личной жизни. Это какой-то новый вид скрытого экономического и политического рабства, в котором ряд общественно бесполезных ограничений личной свободы играет немаловажную роль. Система штрафов за просрочку квартирной платы, взимаемой обязательно вперед, двух- и трехгодичные контракты, запрещение совместного сожительства с собаками, кошками, студентами и даже нашими детьми, всяческое переложение расходов домовладельца на его квартирантов — вот одни из главнейших перлов „свободного обоюдного соглашения сторон“» [6, с. 3—4].

С ужасом Святловский пишет: «Но, помимо отрицательных экономических и юридических мотивов, необходимо упомянуть о несоответствии квартир не только с самыми скромными требованиями гигиены и хозяйственности, но и просто здравого смысла. Квартиры „для чистых жильцов“ с одним

входом по неосвещенным лестницам, без передней и помещения для прислуги и без иных необходимых принадлежностей, комнаты без печей и окон, сырые и мрачные, — отнюдь не редкость в центрах наших больших городов. Помещения же для прислуги, дворников и швейцаров, подвальные жилища, казармы для рабочих, квартиры ремесленников и ночлежные дома — представляют из себя нечто поистине ужасное во всех смыслах» [6, с. 4].

Владимир Владимирович делает вывод о том, что «квартирные неурядицы затрагивают все слои городского населения, не исключая косвенно и самые зажиточные. Последнее потому, что комфорт и изящество изолированных богатых домов не спасает их обитателей от тех эпидемий, которые исходят из нездоровых логовищ бедноты. Они, так сказать, косвенно расквитываются за индифферентизм к окутывающему город квартирному бедствию» [6, с. 4].

Приведенные Святловским в книге данные о фактическом уровне жизни жителей российских городов производят чрезвычайно безрадостное впечатление. Так, например, Владимир Владимирович отмечал, что по данным на 1898 г., «в средней петербургской квартире живет 7 человек, на одну комнату, считая кухню и прихожую, приходится в среднем 1,6 человека. Всего теснее квартиры в подвалах, где на комнату приходится по четыре жителя. Квартир с водопроводом насчитывается в 1890 году 60 % общего числа; с ватерклозетами — 49 %, с ваннами — 10 %» [6, с. 21].

Далее Святловский пишет: «Исследования петербургских санитарных врачей, изданные в 1897 году, рисуют крайнюю неприглядность квартир недостаточного населения столицы» [6, с. 22].

Знакомясь с «Квартирным вопросом» Святловского, мы как будто вчитываемся в строки его кумира Бальмонта:

В мучительно-тесных громадах домов
Живут некрасивые бедные люди,
Окованы памятью выцветших слов,
Забывши о творческом чуде.
<...>

И чахнут, замкнувшись в гробницах своих.
А где-то по воздуху носятся птицы.
Что птицы? Мудрей привидений людских
Жуки, пауки и мокрицы [7, с. 108].

Интересны наблюдения Владимира Владимировича и о жилище русского крестьянина. Так, «в деревнях, — писал он, — квартирный вопрос в громадном большинстве случаев выражается в более мягкой форме, так как у самого бедного безлошадного и безземельного крестьянина есть своя изба, свой угол. Для крестьянина, таким образом, отпадают те стороны квартирного вопроса, которые связаны с созданием жилищ или высотой квартирной платы. Зато в деревне усиленно хромает санитарно-технологическая сторона дела, которая не искупается ни идиллической обстановкой, ни живописными пейзажами, ни просторами летних экскурсий для сна под стога, в овины, в светелки и пр.

Крестьянское жилище очень консервативно, из столетия в столетие наблюдается тот же тип постройки. Характер стройки также почти не меняется в различных районах нашего обширного отечества. И бревенчатая изба великорусса и обмазанная белая хата хохла — по сути одно и то же примитивное жилище далекого от культуры человека» [6, с. 64—65].

Как повествует «Библиографика» СПбГУ, «в 1901 году В. В. Святловский в качестве приват-доцента начинает читать лекции по истории политической экономии в Петербургском университете. Одновременно с началом работы в университете в 1901 г. он устраивается на службу в статистическое отделение министерства земледелия, а в 1903 г. переходит на работу в министерство финансов, где становится заведующим статистическим делопроизводством»¹.

1905 год

В своей статье А. Г. Герваш пишет, что «бурные события, развернувшиеся в 1905-м, стали поистине звездным часом для молодого и энергичного ученого. Он преподавал экономику в университете, читал лекции в Военно-медицинской академии, служил в министерстве торговли и промышленности. Но немногим было известно, что в столице России нет второго такого крупного специалиста по истории, теории и практике профессионального движения, как приват-доцент Святловский. И вдруг открылись для него еще вчера немислимые, широкие возможности легального практического участия в работе профсоюзов» [5].

¹ Цит. по: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

Напомним, Высочайший Манифест Николая II от 17 октября 1905 г., в частности, гласил:

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи Нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным, и печаль народная Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству Державы Нашей.

Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешнейшего выполнения общих предназначаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [8].

Естественно, что сначала В. В. Святловский становится членом союза преподавателей институтов, который был назван «академическим» [5].

В Петербурге Святловский проживал по адресу: Конногвардейский бульвар, 15¹ [9].

¹ Стоит отметить, что история названий этой улицы непосредственно связана с событиями, происходившими дома у Владимира Владимировича. В 1717 г. от земляных валов Адмиралтейства до реки Мойки был прорыт канал, который назывался Прядильным, а затем Адмиралтейским. Этот канал служил транспортной артерией между Адмиралтейством, прядильными и канатными фабриками и складами. В 1842 г. канал заключили в трубу, а на его месте устроили широкий бульвар. Недалеко от него в то время были расположены казармы, манеж и конюшни лейб-гвардии конного полка. Поэтому бульвар называли Конногвардейским. Конногвардейский бульвар 7 ноября 1918 г. был переименован в бульвар Профессиональных союзов, а в 1923 г. — в бульвар Профсоюзов. Конногвардейский бульвар выходил к Благовещенской площади, которая в 1918 г. была переименована советскими властями в площадь Труда. Находившийся на Благовещенской площади Ксенинский институт благородных девиц (закрытое женское учебное заведение Российской империи, входившее в ведомство учреждений императрицы Марии, основанное в 1894 г.) декретом Совета Народных Комиссаров, подписанным Лениным 11 декабря 1917 г., был передан как Дворец Труда Петроградскому совету профессиональных союзов «для нужд профессиональных организаций». А 4 октября 1991 г. этой столь важной в жизни Святловского улице было возвращено название — Конногвардейский бульвар (см.: [9]).

Именно у него дома впервые заседало 6/19 ноября 1905 г. Центральное бюро профессиональных рабочих союзов, объединение массовых организаций пролетариата Петербурга.

Как писал А. Г. Герваш, «из протокола заседания 6 (19) ноября известно, что организаторы ЦБ [Центрального Бюро] пригласили тогда с правом совещательного голоса трех представителей от „Союза союзов“, с которыми меньше месяца назад вместе боролись за свободу на митингах и собраниях в решающие дни октябрьской стачки. Похоже, был замысел: вовлечь в деятельность ЦБ интеллигенцию. Однако не получилось. ЦБ назвали центром „рабочих союзов“, фактически преградив путь интеллигенции. Понятно, что большинство профсоюзных лидеров тогда были социал-демократами и выступали за классовое построение профсоюзов. Принципиально никогда не состоявший ни в какой партии ученый Святловский эту точку зрения не разделял, но, как исследователь, вынужден был зафиксировать надолго установившееся идеологическое разобщение крупных отрядов профессионального движения» [5].

За 1905—1906 гг. Святловский, откликаясь на бурные события профсоюзного движения, издал ряд брошюр и монографий, в которых отражены многие интересные факты и подробности деятельности первых профсоюзов.

Среди них выделяется работа «Положение вопроса о рабочих организациях в иностранных государствах» — «компилятивный труд», выполненный Владимиром Владимировичем «по поручению отдела Промышленности» министерства финансов [10].

Как истинный ученый и романтик движения рабочих союзов, Святловский в Кратком историческом очерке развития рабочих союзов на Западе писал: «Общность занятий и совместное исполнение работы естественно приводят к единению и желанию не только обсуждать, но и общими усилиями улучшать свое положение. Такое объединение трудящихся на почве общих интересов так же старо, как и сама цивилизация. <...> Так, в египетских и греческих памятниках сохранились соответствующие указания о союзах лиц, занятых в одном и том же промысле. Многочисленные других дошли до нас сведения о Риме. Здесь существовали так называемые коллегии ремесленников — профессиональные организации по отдельным ремеслам» [10, с. 3].

Приводил Святловский и должны впечатлить читателя примеры исторической борьбы рабочих за свои права. Так, «в XIII веке, —

отмечал Владимир Владимирович, обсуждая историю рабочего движения в феодальной Европе, — гильдии размножились. Государство и церковь поддерживали устройство гильдий, так как видели в них оплот против феодализма. Члены городских гильдий содействовали королям и лично, и деньгами в их борьбе с феодализмом. Впрочем, властями поддерживались не все гильдии, а лишь те из них, в которые объединилась более зажиточная часть населения, то есть так называемые гильдии „патрициев”. Наоборот, гильдии, возникавшие в бедной среде, составлявшиеся из трудящихся, преследовались. Так, например, Фридрих II¹ запретил устройство всех гильдий, кроме гильдий монетчиков. То же происходило и в Австрии, где Уложение XIII века допускало устройство гильдий лишь условно, а в самой Вене в 1278 году было издано одно строгое запрещение устройства гильдейских собраний. К этому же XIII веку относится и известная в истории борьба гильдий „патрициев” с гильдией „ремесленников”. Борьба эта была кровава и вначале мало благоприятна для цехов. Борьба, как свидетельствует один историк, велась обеими сторонами с ужасающим ожесточением. Так, например, в Магдебурге, в 1301 году десять старшин побежденных ремесленных гильдий были заживо сожжены на рыночной площади. После известной в средневековой истории „битвы ткачей”, проигранной ремесленниками в борьбе с именитыми гражданами, в Кельне, 21 ноября 1371 года, было казнено тридцать три пленных ткача, а на следующий день были перебиты все ткачи, найденные спрятавшимися в подвалах, церквях и монастырях» [10, с. 6—7].

Далее в работе Святловского рассматривалась история становления и развития рабочих союзов в Англии, Франции, Бельгии, Германии, Австрии, США, Италии, а также в Швейцарии, Голландии и Канаде; давались оценки «общим размерам профессионального движения в различных странах» [10, с. 15—116]; отдельно обсуждалось и комментировалось английское законодательство о трейд-юнионах [10, с. 139—143].

В учреждениях для рабочих, возникающих на почве рабочих союзов, Святловский по-

дробно рассматривал функционирование таких организационных инструментов защиты рабочими своих прав тех лет, как примирительные камеры; примирительно-судебные учреждения; промышленные суды; рабочие секретариаты; рабочие камеры; рабочие палаты; камеры труда; советы труда; биржи труда. Анализируя западный опыт рабочих движений, Святловский старался показать очевидную пользу этих социальных практик для развития промышленности в целом. Он писал: «Повысив заработки и сократив рабочий день, они [союзы рабочих] тем самым создали мощный и энергичный рабочий класс [английских рабочих], явившийся непобедимым на международном товарном рынке. Союзы принесли громадную пользу промышленности. И как *standart of life* английского рабочего поднялся, создатель и нравственное и общественное признание труда и личности организованного рабочего класса» [10, с. 29].

<...>

«Но что, быть может, всего интереснее, — отмечал Святловский, ссылаясь на Зомбарта, — это наблюдение, какое мы можем сделать в Англии, что значительная и при том самая значительная часть предпринимателей считает профессиональные союзы решительно благотельным учреждением. Так, в *Contemporary Rewiew* 1892 г. некто Масер, крупный английский работодатель, высказал приблизительно следующее: английские предприниматели должны бы быть очень благодарны рабочим профессиональным союзам. Достигнутые последними преобразования пошли на пользу не одному только рабочему классу, выиграла от них и вся английская промышленность. Теперь стало общеизвестным местом, что рабочим союзам надлежит главная заслуга в процветании английского производства. Причины этого весьма понятны. Удорожание рабочей силы вынуждало к переходу к улучшенному технологическому процессу, к усовершенствованию производства. Лучше оплаченный и содержимый рабочий легко справлялся с новой техникой, создавая образцовые и дешевые товары. Постепенно английское производство стало вне конкуренции» [10, с. 29—30].

По словам А. Г. Герваша, «в феврале 1906 года к квартире на Конногвардейском, 15 было привлечено внимание всей профсоюзной общественности России. В Петербурге проходила вторая всероссийская профсоюзная конференция, и два заседания решено

¹ Фридрих II (нем. Friedrich II von Hohenstaufen, итал. Federico Ruggero Costantino di Hohenstaufen; (1194—1250), король Германии (римский король) с 5 декабря 1212 г., император Священной Римской империи с 22 ноября 1220 г., король Сицилии с 1197 г. Представитель династии Гогенштауфенов; Сын Генриха VI и Констанции Норманнской, внук Фридриха I Барбароссы и короля Сицилии Рожера II.

было провести дома у В. В. Святловского, который был избран в президиум конференции. В 1907-м Святловский выпускает в Петербурге основной труд своей жизни — монографию „Профессиональное движение в России”, без которой „сегодня невозможно представить себе изучение истории отечественных профсоюзов”» [5].

Свое взволнованное обращение к читателю Святловский начинает словами: «Профессиональное движение в опасности! В настоящий момент власть имущие, в погоне за стрелочником революции, открывают поход против наших профессиональных рабочих организаций. В них видят волшебную лампу Алладина, грядущего мстителя. Уже застрельщик реакционных мероприятий — тревожно-рептильная „Россия” беспокойно метнула взоры в сторону пролетарских союзов. К ним прислушиваются, всматриваются, косо, подозрительно... И новое завоевание рабочего класса, новое приобретение страны, залог ее успешного развития, ибо лишь хорошо сплоченный трудящийся в нормальных условиях, организованный и коллективно договаривающийся рабочий — истинный двигатель прогресса, — рабочие союзы — вносятся в списки заподозренных и им, в тиши, готовят гильотину» [11, с. VII].

Далее Владимир Владимирович продолжает: «Обвинительный акт очень краток: союзы — замаскированное гнездо социал-демократии, ее будущее орудие в политической борьбе. Цель новой и, на этот раз, обдуманной травли состоит в том, чтобы загнать союзы в историческое подполье, где, утратив равновесие, они, тем самым, станут объектами уже шаблонного искоренения.

Мы не будем, — подчеркивал Святловский, — защищать наши профессиональные союзы от этих обвинений. Факты и цифры, раскрывающие истинную природу профессиональных союзов, мы приведем в нашей работе. Мы заметим только следующее: новые экономические формы не исчезают от полицейских мероприятий и законодательных ограничений — рабочие союзы останутся тем, чем они стали, и будут тем, чем они должны быть» [11, с. VII].

Однако, как утверждает Святловский, эти рабочие союзы стали школой солидарности и развития классового самосознания, организациями борьбы рабочего класса против эксплуатации.

Далее он пишет: «Рабочие союзы всегда будут существовать, пока имеются наемные рабочие. И союзы всегда будут стремиться

к политической нейтральности, как бы ни сильно было в них влияние социалистических партий, ибо иначе они не могут успешно и независимо развиваться. И дело окончится тем, что профессиональное движение будет легализовано.

Но есть мудрецы, — иронизировал Владимир Владимирович, — которых не „запускает” и история. Они мечтают заставить и историю маршировать среди полицейских колонн. Их счастье в том, что они не знают и не понимают истории. Но история не знает преград, она если не научит, то сумеет поставить на место и наших мудрецов. Профессиональное движение в опасности!» [11, с. VIII].

<...>

Со свойственной Святловскому чрезвычайной скромностью он заявляет: «в предлагаемой работе автор ставил себе задачей осветить отдельные моменты из истории нашего профессионального движения и некоторые стороны их деятельности. Автор сознает недостатки своей работы. Смягчающим обстоятельством для автора служит прежде всего характер самого материала, его скудости и трудности его добывания. Материалы систематически уничтожались полицией. Дело доходило до того, что при обыске полиция топила печи документами профессиональных союзов, рвала их и т. д.

Кроме того, не наступило еще время для подобного рода работы. Все еще очень свежо и полное освещение событий и фактов невозможно» [11, с. V].

В действительности, книга Святловского объединила в себе совершенно уникальные материалы. Предлагаемый читателю «исторический очерк» [11, с. 28] рассматривал эволюцию касс и обществ взаимопомощи — приказчиков; горнозаводских товариществ; железнодорожных рабочих и служащих; фабрично-заводских рабочих, а также касс взаимопомощи уже профессиональных союзов. Рассматривалась новейшая история «правительственного вмешательства в рабочее движение» организаций Зубатова, Гапона и ушаковцев [11, с. 53]. Показывалась история формирования «профессионального движения» в России последних лет, в частности, стачки 1895—1904 гг. [11, с. 101]; Петербургские профессиональные организации после 9 января 1905 г.; возникновение и начало деятельности Петербургского центрального бюро; Первые шаги Московского центрального бюро; зарождение и развитие профессионального движения в других населенных пунктах России. Отдельное место

книги было посвящено статистике российского профессионального движения — по стране в целом и в разрезе отдельных городов [11, с. 168, 189]. В деталях рассматривались различные направления практической деятельности профессиональных союзов в России. Глава VIII книги содержала в себе анализ «общих условий деятельности союзов» [11, с. 324], в котором Святловский предлагал меры по обеспечению дальнейшего безопасного развития движения в условиях борьбы против союзов со стороны предпринимателей, а также со стороны всевозможных администраций. Автор разбирал законопроекты политических партий о союзах, оценивал действующее законодательство.

Путешественник

В 1907 г. происходит очередное судьбоносное и, казалось бы, ничем не предвещавшее событие в жизни В. В. Святловского. «По предложению Академии наук и университета в 1907 г. он отправляется в этнографическую экспедицию в Австралию и Океанию, в которой ему удалось собрать множество ценных материалов. Одним из пунктов экспедиции были Гавайские острова»¹. Пожалуй, не будет уж совсем необоснованным предположить, что немалую роль в принятии этого предложения Святловским сыграла его поэтическая натура, стремящаяся не только к революционным, но и внесоциально романтическим приключениям и дальним странствиям. Заметим, Владимир Владимирович отправился в это путешествие почти в одно время с Николаем Гумилевым, писавшим:

Уедем, бросим край докучный
И каменные города,
Где Вам и холодно, и скучно,
И даже страшно иногда.
Нежней цветы и звезды ярче
В стране, где светит Южный Крест,
В стране богатой, словно ларчик
Для очарованных невест².

И вот Святловский, теперь путешественник, будет писать:

Я вижу берега алеющих в тумане
Необитаемых, песчаных островов,
И дымы черные на гаснущем вулкане
Среди пылающих пурпурных облаков.

¹ Цит. по: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

² Цит. по: URL: <https://www.culture.ru/poems/38539/priglasenie-v-puteshestvie>

Я вижу — горизонт, безбрежнее, чем горе,
Агатый простор, играющий века,
Жемчужных лебедей, летящих через море,
И зыбь дельфинных спин и даль материка.

Зловеще за кормой колышется пучина,
Грозя угрюмою седеющей волной.
За валом встанет вал. Зеркальная долина
Капризно сменится минутной горой
[2, с. 30].

За два года своего кругосветного путешествия Владимир Владимирович переслал и привез лично из Австралии и Океании почти 500 предметов (это коллекция из Новой Зеландии, с Гавайских островов, с островов Самоа и Пасхи, из Австралии, Новой Гвинеи и Меланезии). Некоторые экспонаты были им закуплены в Лондоне и Сиднее у торговцев этнографическими предметами, а основная часть получена из дублетных фондов ведущих этнографических музеев мира [5].

Несмотря на то что Владимир Владимирович не был профессиональным этнографом, со своим заданием он справился блестяще, проявив бесспорные таланты. Собранные им коллекции получили высокую оценку специалистов и заняли достойное место в постоянной экспозиции музея антропологии и этнографии в зале Австралии и Океании. Академик В. В. Радлов, директор музея, так оценил его труд: «Признавая огромные заслуги В. В. Святловского по отношению к вверенному мне музею, я покорнейше прошу Отделение не отказать ходатайствовать о награждении его не в очередь чином статского советника» [5].

Как пишет А. Я. Массов, «по сегодняшний день в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) РАН хранится большая коллекция этнографических артефактов, привезенных из поездки 1907—1908 гг. в Австралию, Новую Зеландию и на острова Океании приват-доцентом Петербургского университета В. В. Святловским» [12].

Мысли о науке

Владимир Владимирович после возвращения из двухлетнего кругосветного путешествия по итогам поездки опубликовал ряд научных работ и был избран членом-корреспондентом Академии наук. Вскоре он занял должность профессора Психоневрологического института по кафедре политэкономии и статистики, преподавал на Бестужевских курсах (с 1910 г.). Одновременно с преподавательской деятельностью он пи-

шет ряд научных работ по истории экономических учений и экономического быта¹.

Еще за год до путешествия Святловского в Санкт-Петербургском издательстве «Начало» выходит сборник его статей «К истории политической экономии и статистики в России», прекрасно характеризующий Владимира Владимировича именно как политэконома. Здесь автор делится своими весьма грустными впечатлениями о развитии и состоянии российской экономической науки и социальных наук в России в целом: «Умственное развитие отдельных народов, как и отдельных лиц, — писал Святловский, — не всегда протекает последовательно и равномерно; невежество, косность и корысть часто затрудняют и замедляют это развитие. В истории умственной эволюции Европы встречаются и печальные страницы: целые эпохи регресса некоторых отраслей знания, особенно общественного и философского характера. Наука в такие периоды проходила по многострадальному и тернистому пути, светлый и радостный храм знания превращался в мрачную и пустынную Голгофу, а каждый шаг носителей свободной мысли был связан с кровавою борьбой, с молчаливым самопожертвованием. Не даром известный Тиссандье, издавая биографии великих ученых, дал своей книге общее печальное и вешее, как надгробная эпитафия, заглавие: „мученики науки“. В итоге, *circulum vitae* некоторых отраслей знания — это, действительно, суровый мартиролог, трагическая цепь энтузиазма и самоотречения.

Так было на Западе.

Еще меньше роз и лавров на тесном пути русской науки. История ее — история произвола и стеснений, которых не знала ни одна страна Запада. Помимо общих преград, у нас влияли еще свои, своеобразные, чтобы не сказать более, „тернии“. Вместо тупых представителей филистерской академии, душивших все новое, вместо жестокого кардинальского синклита или оппортунистического иезуитизма двора, у нас на науку и ученых остановилось леденящее и неморгающее око административного произвола; и оно, в атмосфере равнодушия и добровольного сыска, было всеильно это „око“!» [13, с. 1—2].

Далее Святловский продолжает: «вспомните сами, начиная с несчастного „доктора Леона“², замученного по методу боярина

Орши в одной из пустых башен Московского кремля, на страницах истории русской науки проходит перед вами длинная вереница засеченных, заточенных или нравственно искалеченных дарований. Заточенный влюбленный в Россию панславист Крыжанич, блестящий ученый и государствовед; замученный Волынский; нравственно затравленный Третьяковский: заключенные и сосланные Посошков, Радищев, Новиков. Минувший XIX век, эпоха развития русского общественного самосознания, не лучше. На пороге николаевской эпохи нас встречают печальные тени Бестужева, Каховскаго, Пестеля, Рылеева, Кюхельбекера; Николай Тургенев и Головин всю жизнь скитаются за границей; Полежаев, Пушкин, Лермонтов, Шевченко ужасно влачат и кончают свои великие жизни; Грибоедов под судом, Белинский тоже; Огарев и Герцен — изгнанники, а длинный ряд профессоров, как Арсеньев, Костомаров и др., загнанных Магницкими, Руничами, Толстыми и иными палачами бюрократического застенка. И в дальнейшем дело мало изменялось... разве, впрочем, прибавились новые „мероприятия“, вроде сдачи учащихся в солдаты. Очевидно, „общий режим“ не мог не отразиться на положении и науки, и самих ученых» [13, с. 2].

Исследователь заключает: «оглядываясь назад, мы видим, что в начале наши люди шли „по рангу“, в ногу с придворной челядью и держались для декоративного блеска. Ученые приравнялись, и даже официально, к „дирижерам и музыкантам“. Позднее, рассортированные по „классам и шитью“ бюрократической братией, должны были служить целям общего и повального лицемерия, исполняя функции фальсификаторов науки. И вот, едва терпимые, они превратились в холопов власти, делая из науки новый вид хлебной чиновничьей профессии. Не даром пронизательный и развязанооткровенный Катков, оглядываясь на прошлое русской науки, воскликнул: „Наука?! — науки не было в России: была бюрократия!“» [13, с. 2—3].

Ивана III — венецианском еврее Леоне. Наследник престола Иван Молодой мучился «камчугом» (то ли подагрой, то ли какой-то кожной болезнью). Лекарь Леон заявил, что беретса исцелить князя и ручается за его выздоровление головой. Скорее всего, он счел болезнь тридцатидвухлетнего князя неопасной. Лечил же ее прикладыванием «скляниц» с горячей водой. Но Иван Иванович умер, и голову Леону отрубили. Вполне возможно, что лекарь не нес ответственности за смерть наследника, и тот пал жертвой династической борьбы. Подробнее см.: URL: <https://diletant.media/articles/45373930/>

¹ См.: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

² Напомним, как гласят общедоступные источники, из летописей до нас дошли сведения о придворном лекаре

Далее Святловский с возмущением говорит: «Эпоха, осмеянная даже Катковым, не миновала. И поныне ни один наш „ученый“ тайный советник, своеобразной совместитель свободной кафедры и декорированного казенного виц-мундира, гордится тем, что он представитель „правительственной науки“...

Конечно, не вся русская наука глядела и смотрит через темные двери двадцатого числа. Рядом с позорной казенной наукой всегда жила тонкая, но живительная струя вольного знания. И даже в эпохе Павла и Бенкендорфа сверлящее острие критической мысли протачивало себе свои кротовые ходы. Где-то там, на задворках официальной России, всегда ютилось непризнанное „вольномыслие“, искреннее знание, невымирающая традиция истинной науки, боевая мысль и смелое слово. Носители и глашатаи правды давали в самые глухие времена лучи света, которыми только и озарялась мыслящая Россия. Позднее, непризнанная „академия улицы“, подняв высоко над головами свой факел, совершенно затмила смрадные копилки казенных фонарей. Вольная „улица“ победила и отвергла казенщину...» [13, с. 3].

Как тут не вспомнить стихотворения Святловского «Волны и мысли»:

Волны бегут на утес,
Лижут уступы, как пес,
Ярый, коварный и злой.

Мысли как волны летят,
В душу проникнуть хотят
Тесной и дружной толпой.

Бьется напрасно волна,
Смутной тревоги полна,
Ветром гонимая прочь,

Мыслью земли не объять,
Мыслью души не понять,
Горе — познанию дочь [2, с. 32].

В этой связи оправданно будет привести отрывок замечательной статьи П. Б. Струве «Русская наука в русской культуре» [14, с. 193—202]. Струве писал, что «развитие науки в России началось позже и совершалось при иных условиях, чем в странах Западной Европы. Историческое исследование с все большей ясностью раскрывает теперь, в какой мере развитие научного мышления и наук было подготовлено на Западе духовными движениями средневековья. Наука и философия нового времени вышли из

средневековой науки и философии, и первая по отношению к второй является не могильщицей, а дочерью» [14, с. 193].

Далее Струве пишет: «Этого звена в процессе духовного развития России не было — оно выпало. Конечно, в западнорусской культуре были известные зародыши его, но они были слабы: церковная и научная культура даже в Западной России никогда не могла равняться в этом отношении с культурой западных стран. В России до Петра не было науки. <...> Когда наука была перенесена в Россию, [то] начала систематически в ней насаждаться. <...> Вот почему *русская наука* с самого ее начала есть явление *светское*. <...> В нашем отечестве более чем где-либо наука развивается в теснейшей связи с национальным государством и его ростом. <...> Было бы совершенно неисторично не видеть, в какой мере в России государство было двигателем культуры и науки. <...> Рост государства и его могущества создавал и экономическую основу и широкие и все раздвигающиеся правовые и культурные рамки для научной культуры. Что это значит, позвольте иллюстрировать словами Ломоносова. На вопрос, для чего России нужны ученые люди, Ломоносов отвечал следующим перечислением надобностей: „для Сибири“, для „горных дел“, для „фабрик“, для „сохранения народа“ (то есть для народного здоровья), для „архитектуры“, для „правосудия“, для „исправления нравов“, для „купечества“ (то есть для торговли), для „единства чистой веры“, для „земледельства“ и „предзнания погоды“, для „военного дела“, наконец, для „хода севером“ (то есть для проникновения России на Крайний Север) и для „сообщения с Ориентом“ (то есть для проникновения России на Восток)» [14, с. 193—195].

Стоит обратить внимание на то, что в этом списке нет ничего похожего — «для объяснения социально-экономических явлений или «для понимания законов экономической жизни общества», или для «объяснения богатства народа и его приращения».

Струве подчеркивал, что «наука была пересажена в Россию властью как орудие осуществления практических государственных задач» [14, с. 196]. И в этой связи научный поиск неких объективно работающих экономических законов, должных определять объективное значение понятий ценности, справедливой цены, оптимума в соотношении спроса и предложения, экономических выгод, наконец, общественной, социальной справедливости — в условиях абсолютной

монархии, где любые социальные, и в том числе любые хозяйственные процессы не могут происходить никак иначе, как по воле Государя — этот поиск представляет собой занятие весьма сомнительное.

Отсюда, время до известных событий 1905 г., Струве определяет как «время в русской духовной истории, когда наука и публицистика не были отделены, когда научные достижения оценивались по их публицистической окраске и предполагаемой общественной полезности. Эта несвобода, — подчеркивал Петр Бернгардович, — особенно долго тяготела над историей и над политической экономией и вообще над всеми „социологическими“ дисциплинами» [14, с. 200—201].

Каталог утопий

Говоря о творческом пути В. В. Святловского, нельзя не обратить внимание на его интерес к тематике утопий. «После 1917 г. Святловский первым из русских ученых обратился к изучению литературной утопии, составил библиографический указатель, содержащий информацию о полутора тысячах произведений данного жанра, охватывающих период с античности до XX в.»¹

В 1923 г. свет увидела работа Владимира Владимировича «Каталог утопий» [15], в предисловии к которой он писал: «При выработке своего мировоззрения (1843—1847) Карл Маркс и Фридрих Энгельс сурово и вполне справедливо осудили утопический социализм как идеологию, совершенно чуждую им и по духу, и по задачам. Отсюда у многих марксистов установилось уже пренебрежительное отношение к утопиям и утопизму, притом, в большей степени, чем заслуживал утопизм, даже как превзойденная и изжитая ступень развития. Таким образом то, что было неизбежно и необходимо в середине 40-х годов XIX столетия, с течением времени превратилось в своего рода ошибку, заслуживающую быть отмененною. Если революционному марксизму в свое время пришлось для самоконструирования резко отмежеваться не только от современных ему родственных течений, но и от своего прошлого, то это и тогда отнюдь не обозначало, что лучшие духовные достижения двух тысячелетий, смелые социальные мечты ряда перwokлассных умов, — от великого Платона до поныне мало оцененного Фурье, от классического Томаса Мора до вдохновенного Сен-

Симона, — можно рассматривать только как социальное суеверие» [15, с. 3].

Далее Святловский развивает свою мысль следующим образом: «Как известно, последняя часть бессмертного „Коммунистического манифеста“ и блестящий памфлет Энгельса „Анти-Дюринг“ выдвигают против утопического социализма пришедший ему на смену социализм научный» [15, с. 3].

В понимании глубины этого противоречия, считал Святловский, и лежит весь смысл завоевания, сделанного марксизмом в истории развития и социалистической мысли и социального движения. «Но противоположение неопределенной беспочвенной мечтательности — вечно юной науке, противоположение неоформленным порывам интеллигентской мысли — суровой революционной требовательности пролетариата вовсе не было равносильно огульному осуждению утопий, как метода идеологического воздействия, и утопий, как хранилищ того священного идеалистического огня, которым человечество освящает и облагораживает борьбу классов в ходе истории развития» [15, с. 4].

Владимир Владимирович подчеркивал, что «материализм и научность Маркса, суровый реализм и решимость масс в эпохи и дни подъема — полны высокого гражданского пафоса, пламенный стиль и призыв к действию революционного набата — полны своего особого идеализма, не имеющего ничего общего с схоластическим идеализмом метафизиков» [15, с. 4].

И вот здесь перед нами вновь раскрывается Святловский как поэт и романтик, искренне верящий в идеалы и находящий поэтику даже в кровавой классовой борьбе за победу научного коммунизма. «Само время, — вдохновенно пишет Святловский, — является красноречивым защитником утопий. В эпоху постепенного торжества научного социализма утопии, как художественная форма и как способ пропаганды, продолжали и продолжают вновь создаваться и увлекать умы ищущих и стремящихся. И в том, что марксизм не уничтожил прекрасных цветов социальной фантастики, — а они продолжают появляться даже в суровые дни величайших потрясений, — лежит глубокий смысл. Основоположники научного социализма — и более мрачный Маркс, и более светлый Энгельс — никогда не осуждали поэзии, они ее сильно чувствовали и даже были к ней причастны. Маркс и Энгельс писали стихи и, без сомнения, никогда бы, отвергая содержание, не ополчились бы против художественной

¹ URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

формы, как способа воздействия на массы. Ни Маркс, ни Энгельс тем самым не изгоняли его (идеализм) совсем из обихода, как то делают иные вульгарные умы. И мы должны изучать утопии!» [15, с. 4].

Не расставшийся с идеалами

Можно сказать, что В. В. Святловский — это тот редкий случай среди российской дореволюционной профессуры, кто не просто уцелел после Октябрьской революции, но и был востребован в Советской России. Вероятно, это объясняется областью его научных исследований, которая активно интересовала новую власть.

Период между двумя российскими революциями Владимир Владимирович провел в Валдайском уезде Новгородской губернии, где основал Березайское общество распространения народного образования, вел культурно-просветительную и политическую работу. В 1919 г. он вернулся в Петроград, был избран в члены президиума Губполитпросвета, преподавал в Высшем партийном институте Балтфлота, в военно-морском училище, читал лекции для железнодорожного пролетариата, на судах флота и в Кронштадтском морском клубе.

А с 1920 г. Святловский работает в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, преподает в Петроградском госуниверситете, в Военно-политическом институте им. Н. Г. Толмачева, читает лекции в Коммунистическом университете им. Зиновьева, Центральных военно-морских политических курсах, в училище им. Рошаля и Морской академии. В эти годы его не раз будут вызывать в Москву для участия в работе бюджетного управления Наркомфина, Малого Совнаркома, комиссии по Госстраху и пр.

В 1923 г. выходит в свет работа Святловского «История экономических идей в связи с историей экономического быта» [4]. «Мысль, — напишет уже советский профессор Святловский, — идея, оформленное словом сознание, идеология, — представляет результат того быта и того социального уклада, где она создается и развивается. Такое понимание — важное завоевание современной науки; основное положение марксизма и материалистического понимания истории гласит, что бытие определяет сознание, его направляет и формулирует. Так было, так есть и так будет. Связь между бытием и сознанием, между бытом и идеологией можно проследить по всей социальной истории человечества. Действительно, вся история

мысли, не говоря уже о наиболее очевидной, — истории экономической идеологии, представляет собой типичное производное хозяйственного быта своего времени» [4, с. 3].

Святловский убежденно доносил до читателя мысль, что «марксизм представляет собой целостное синтетическое мировоззрение, имеющее историческое, философское и социологическое обоснование. В то же время, — писал он, почти цитируя Ленина, — марксизм является высшим объединением всего человеческого знания, всей совокупности науки с точки зрения революционного пролетариата, ставящего своей целью полное активное освобождение (экономическое, политическое и духовное) всех трудящихся, всех угнетенных классов и народов от насилия, эксплуатации, невежества и предрассудков» [4, с. 383].

Мог ли Святловский верить в то, что здесь писал? Может быть и мог. Но тогда он, при всех свойствах его горячей, романтической природы, должен был безоговорочно принять марксизм именно как новую веру нового времени. Кто знает...

Начиная с 1924 г. В. В. Святловский работает в Ленинградском губпрофсовете, читает ряд публичных лекций, по поручению профсоюзов готовит новое издание Истории профессионального движения в России.

Он ушел из жизни в 1927 г. Ему не суждено было дожить до тех воплощений мечты Революции, которые ждали страну в сталинские тридцатые. Он не увидел, как и чем укрепитя новая вера на его родине. Можно допустить, что он умер счастливым.

Владимиру Святловскому не суждено было стать поэтом российского декаданса, но было суждено стать поэтом российского профсоюзного движения, поэтом, чье слово нашло самое прямое воплощение в окружавшей его действительности:

Бог создал мир из ничего,
Учись, художник, у него, —
И, если твой талант — крупица,
Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный прибор
Бежит по бездне голубой [7, с. 190].

Подводя итог его жизни и деятельности, можно добавить, что поэт профсоюзов Владимир Святловский всей жизнью воплотил завет своего кумира Константина Бальмонта.

Список источников

1. Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Петроград : Колос, 1923. 125 с.
2. Святловский В. В. Янтари. Петроград, 1916. 120 с.
3. Блок А. А. Собрание сочинений : в XII т. Т. VI. Последние дни императорской власти. Статьи. М. : Госполитиздат, 1962. 565 с.
4. Святловский В. В. История экономических идей в связи с историей экономического быта. М., 1923. 393 с.
5. Герваши А. Г. Звездный час Владимира Святловского. URL: <http://www.torgedin.ru/svatoslavski.html>
6. Святловский В. В. Квартирный вопрос. СПб., 1898. 278 с.
7. Бальмонт К. Стихотворения. М. : Профиздат, 2009. 238 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи. 3-е изд. СПб., 1908. Т. 25, № 26803. С. 754—755.
9. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы. Л. : Лениздат, 1985. 512 с.
10. Святловский В. В. Положение вопроса о рабочих организациях в иностранных государствах. СПб., 1905. 239 с.
11. Святловский В. В. Профессиональное движение в России. СПб. : Издание М. В. Пирожкова, 1907. 406 с.
12. Массов А. Я. Русские исследования Австралии XIX — начала XX в. // Россия и Океания. Исследования и путешествия россиян в XIX—XXI вв. СПб., 2020. 119 с.
13. Святловский В. В. К истории политической экономии и статистики в России. СПб. : Начало, 1906. 200 с.
14. Струве П. Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитар. института, 2000. 349 с.
15. Святловский В. В. Каталог утопий. М. ; Петроград : Государственное издательство, 1923. 99 с.

References

1. Kondrat'ev N.D. *Mikhail Ivanovich Tugan-Baranovskiy* [Mikhail Ivanovich Tugan-Baranovsky]. Petrograd : Kolos, 1923, 125 p.
2. Svyatlovskiy V.V. *Yantari* [Amber]. Petrograd, 1916, 120 p.
3. Blok A.A. *Sobranie sochineniy : v XII t., vol. VI. Poslednie dni imperatorskoy vlasti. Stat'i* [Collected Works : in XII vol. Vol. VI. The Last Days of Imperial Power. Articles]. Moscow : Gospolitizdat, 1962, 565 p.
4. Svyatlovskiy V.V. *Istoriya ekonomicheskikh idey v svyazi s istoriey ekonomicheskogo byta* [History of Economic Ideas Within the History of Economic Life]. Moscow, 1923, 393 p.
5. Gervash A. G. *Zvezdnyy chas Vladimira Svyatlovskogo* [Vladimir Svyatlovsky's Moment of Glory]. Available at: <http://www.torgedin.ru/svatoslavski.html>
6. Svyatlovskiy V.V. *Kvartirnyy vopros* [Flat Matter]. St. Petersburg, 1898, 278 p.
7. Bal'mont K. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow : Profizdat, 2009, 238 p.
8. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], St. Petersburg, 1908, vol. 25, no. 26803, pp. 754–755.
9. Gorbachevich K.S., Khablo E.P. *Pochemu tak nazvany* [Why They are Named Like That]. Leningrad : Lenizdat, 1985, 512 p.
10. Svyatlovskiy V.V. *Polozhenie voprosa o rabochikh organizatsiyakh v inostrannykh gosudarstvakh* [Status of Workers' Organisations in Foreign Countries]. St. Petersburg, 1905, 239 p.
11. Svyatlovskiy V.V. *Professional'noe dvizhenie v Rossii* [Occupational Movement in Russia]. St. Petersburg : Izdanie M. V. Pirozhkova, 1907, 406 p.
12. Massov A.Ya. *Russkie issledovaniya Avstralii XIX – nachala XX v.* [Russian studies of Australia in the nineteenth and early twentieth centuries], *Rossiya i Okeaniya. Issledovaniya i putestvuyiya rossiyan v XIX–XXI vv.* [Russia and Oceania. Explorations and journeys of Russians in XIX–XXI centuries]. St. Petersburg, 2020, 119 p.
13. Svyatlovskiy V.V. *K istorii politicheskoy ekonomii i statistiki v Rossii* [To the History of Political Economy and Statistics in Russia]. St. Petersburg : Nachalo, 1906, 200 p.
14. Struve P.B. *Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Russia. Homeland. Foreign land]. St. Petersburg : Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitar. instituta, 2000, 349 p.
15. Svyatlovskiy V.V. *Katalog utopiy* [A Catalogue of Utopias]. Moscow ; Petrograd : Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923, 99 p.

Информация об авторе

Пятов Михаил Львович — доктор экономических наук, профессор кафедры статистики, учета и аудита, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: mlpyatov@yandex.ru

Information about the author

Mikhail L. Pyatov — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Statistics, Accounting and Auditing, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: mlpyatov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 29.12.2024; принята к публикации 02.02.2025.

The article was submitted 01.12.2024; approved after reviewing 29.12.2024; accepted for publication 02.02.2025.